

ОБОРВАННАЯ
НИТЬ СУДЬБЫ

ЛЮДМИЛА БЕЩЕНЦЕВА

18+

Людмила Бешенцева

Тотем 2: Оборванная нить судьбы

«Автор»

2026

Бешенцева Л. С.

Тотем 2: Оборванная нить судьбы / Л. С. Бешенцева — «Автор»,
2026

Хизер привыкла быть чужой. Альбинос с рубиновыми глазами, она с детства прячется от чужих взглядов и собственных страхов. Учёба в Германии, редкие визиты к матери в Корею, попытки не думать о прошлом — так проходят её дни, пока в старом саду у пруда она не видит то, чего не может объяснить. Странные сны о мужчине с шестью лисьими хвостами снились ей всегда. Но теперь они становятся ярче, настойчивее, а найденный на рынке ветряной колокольчик шепчет слова, которых она не ждала: «Он ждёт тебя. Алая нить связала вас». За гранью привычного мира пробуждается древняя сила. И где-то там, между миром духов и миром людей, её уже ждут многие. Даже если она сама об этом не помнит.

© Бешенцева Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Людмила Бешенцева

Тотем 2: Оборванная нить судьбы

Глава 1

Хизер устало потянулась, окинув просторную гостиную скучающим взглядом. Дом был огромен — настоящий традиционный корейский особняк, ханок, с изогнутыми черепичными крышами, деревянными балками тёмного дуба и внутренним садом, за которым бережно ухаживали три садовника. Полы из тёплого дерева пахли кедром, стены украшали свитки с каллиграфией, а в углах стояли вазы династии Чосон — мамин новый муж коллекционировал древности.

Вроде бы наступили долгожданные каникулы после сессии, и Хизер наконец вернулась домой, покинув отца. Мама встретила её тепло — обняла крепко, по-родному, вдохнула аромат её белых от природы волос и прослезилась, кажется, искренне. Они не виделись почти полгода: учёба на юридическом в Гейдельберге отнимала все силы, а билеты из Германии в Южную Корею стоили недёшево.

Гейдельберг — старый университетский город на юго-западе Германии, где узкие мостовые помнили ещё средневековых студентов, а над красными черепичными крышами возвышался замок, глядящий на реку Неккар. Отец Хизер, немец до мозга костей, преподавал там гражданское право и жил в небольшой, но уютной квартире в Альтштадте. Хизер любила этот город — его тишину, его библиотеки, его анонимность. Никто не глазел на неё там так, как здесь, в Кёнджу.

Кёнджу — древняя столица Силлы, город храмов и курганов, где прошлое дышало в затылок каждому, кто осмеливался пройти по его улицам. Мамин особняк стоял на окраине, у подножия горы Намсан, и из сада открывался вид на каменные пагоды, которым было больше тысячи лет. Хизер иногда казалось, что эти пагоды смотрят на неё — пристально, выжидающе, словно знают что-то, чего не знает она сама.

Хизер была альбиносом. Её кожа напоминала тонкий фарфор — белая, полупрозрачная, с едва заметным голубоватым отливом у запястий и висков. Волосы, тоже белые, тяжёлыми волнами спадали до пояса, и в них, словно нити лунного света, запутывались солнечные блики. Но глаза — глаза были красными. Не кроваво-алыми, как у демонов на старинных гравюрах, а глубокого, тёмно-рубинового оттенка, как вино, если смотреть сквозь бокал на огонь. Она носила специальные линзы с защитой от ультрафиолета, которые окрашивали радужку в спокойный карий цвет. Никто не знал, отчего вышло так: её мать-корейка и отец-немец были полностью здоровы. Генетическая случайность. Прихоть природы или чей-то замысел.

Природа одарила её красотой метиса: тонкие, но выразительные черты лица, высокие скулы от отца, миндалевидный разрез глаз от матери. Парни сворачивали головы, когда она проходила мимо. Иногда — мужчины за сорок. От этого Хизер бросало в дрожь, но сейчас речь не об этом.

Студентке юрфака было скучно в традиционном доме с шикарным садом. Её мать умудрилась второй раз выйти замуж — и не за кого-нибудь, а за владельца технологической корпорации, состояние которого исчислялось цифрами с девятью нулями. Мужчина был вполне тихим и вежливым, всегда держался на расстоянии, но Хизер от него шараялась, избегая ситуаций, где они могли бы остаться наедине.

Поэтому, завидев подъезжающую к воротам машину, Хизер рванула в сад. Она проскользнула через бамбуковую рожицу, пробежала по каменной дорожке, пересекла мостик над

рукотворным ручьём и закрыла за собой деревянную калитку, ведущую в самую дальнюю часть сада — туда, где старый пруд прятался в окружении плакучих ив.

Сердце колотилось от страха. Не от угрозы — от воспоминаний.

Случилось это давно, когда ей было десять. Тогда мамин первый избранник после развода по пьяни перешёл черту. Ничего критичного не произошло, но сломило маленькую девчущку даже не это, а то, как отреагировала мать. «Ты сама его спровоцировала», — сказала она тогда, глядя на заплаканную дочь. «Не носи короткие юбки, не вертись перед ним, не...»

Спустя месяц Хизер переехала к отцу в Германию. Страх перед мужчинами — особенно перед теми, кто имел власть над её матерью, — остался с ней по сей день. Она никому не рассказывала. Даже отцу и лучшей подруге. Просто жила с этим, как живут с хронической болезнью — принимая лекарства, избегая триггеров, притворяясь, что всё в порядке.

Пруд выглядел чудесно. Солнце сегодня не радовало своим ликом — небо затянуло серой пеленой облаков, — но воду подсвечивали фонарики, расположенные по кругу в бумажном обрамлении. Хизер подошла ближе и залюбовалась: каждый фонарик был произведением искусства. Бумага — рисовая, ручной работы, — была расписана тушью и акварелью. Вот лис с девятью хвостами, чья шерсть серебрилась в отсветах пламени, застыл в прыжке над волнами. Вот дракон — длинный, извивающийся, с жемчужиной в когтистой лапе — гнал за собственным хвостом. Вот феникс раскинул огненные крылья, и языки пламени на бумаге казались живыми, дрожащими в такт дыханию ветра.

Хизер смотрела на них с любопытством, а потом в правом глазу закололо. Линза сместилась — такое случалось, когда она долго не снимала их. Пришлось вытащить сначала одну, потом другую, аккуратно положить в контейнер, который она всегда носила с собой, и проморгать. Мир без линз стал ярче, контрастнее — её глаза воспринимали свет иначе, чем у обычных людей, и то, что для других было просто сумерками, для неё сияло десятками оттенков серого, серебряного и голубого.

Она снова посмотрела в пруд и замерла в изумлении.

Фигуры на фонариках — лис, дракон, феникс — словно ожили, отражаясь в тёмной воде. Но их движения не повторяли движения бумажных силуэтов. Лис в отражении повернул голову и посмотрел прямо на неё — глаза-щёлочки, янтарные, с вертикальными зрачками. Дракон изогнулся, и его чешуя в воде заблестела как снежный наст на солнце. А феникс... феникс расправил крылья и беззвучно закричал.

В следующую секунду со дна пруда показались глаза. Огромные, светящиеся, с вертикальным зрачком — ярко золотые, ослепляющие своим светом. Тёплого, глубокого оттенка, как расплавленный янтарь, как те искры, что плясали во сне, который снился ей с детства. Глаза становились ближе, поднимаясь из глубины, и вода вокруг них закипала крошечными пузырьками. Хизер отпрянула машинально, вскинув руки, и едва не упала на спину. Сердце бешено застучало где-то в горле.

Когда она снова посмотрела в воду, там не было ничего странного. Фонарики отражались ровно, спокойно. Никаких глаз. Никаких живых силуэтов. Только её собственное лицо — белые волосы, красные глаза, бледная кожа.

Но её мозг уже выстроил цепочку.

Ещё с детства ей снился один и тот же сон. Он приходил не часто — раз в несколько месяцев, иногда раз в год, — но каждый раз был одинаковым до мельчайших деталей. В этом сне она стояла на вершине горы, где снег лежал даже летом, и ветер пах хвоей и замёрзшей рябиной. Небо над головой было усыпано звёздами — такими яркими и близкими, что, казалось, протяни руку — и коснёшься Млечного Пути, протянувшегося через весь небосвод серебряной рекой.

Следом из темноты выходил он.

Мужчина-лис. Высокий, стройный, с длинными волосами цвета грозового неба — металлически-синими, переливающимися, как воронёная сталь. Они были собраны в высокий хвост, перехваченный серебряным кольцом с подвеской в виде полумесяца. За спиной у него струились шесть хвостов — огромных, пушистых, синевато-серебряных, и когда он двигался, они оставляли в воздухе след, похожий на иней. Его глаза — золотые, тёплые, с вертикальными зрачками — смотрели на неё с такой нежностью, что внутри всё переворачивалось.

Он никогда не говорил ни слова. Только смотрел, улыбался — тепло, светло и ласково словно она была для него самым драгоценным существом во всех мирах. Он протягивал руку и касался её щеки — легко, едва ощутимо, — и от этого прикосновения по телу разливалось тепло и в этом тепле было что-то забытое, невыносимо родное. Что-то, что она знала когда-то очень давно.

Но стоило ей податься навстречу, как сон обрывался. Резкая боль — не физическая, а глубже, в самой душе, — пронзала грудь. За ней следовало падение. Долгое, бесконечное низвержение в бездну, где не было ни звёзд, ни снега, ни его лица. Только пустота, причиняющая боль тишина, да лютый холод, от которого не спасало ни одно одеяло или камин.

Хизер всегда просыпалась от этого сна в слезах. И весь следующий день ходила с ощущением потери — огромной, невозможной, — не понимая, кого и почему она потеряла.

По щекам девушки вдруг скатились слёзы. Что-то пыталось вырваться из пут её разума — какое-то знание, какое-то воспоминание, которое лежало за пределами её собственной жизни. Имя. У него было имя, она знала это. Оно вертелось на языке, ускользало, пряталось в тенях подсознания. И вместе с ним — другое имя, её собственное, но не то, что дали ей родители. То, что она носила до того, как... до чего?

Она сжала кулаки и почувствовала, как ногти впиваются в ладонь.

Когда же разжала пальцы, на коже лежала небольшая белая чешуйка. Блестящая, перламутровая, словно от маленького ящера, хотя может от змеи или от кого-то, кого не существовало в этом мире.

Хизер смотрела на неё, и где-то глубоко внутри, под рёбрами, зарождалось странное, забытое тепло. Словно кусочек льда, который она носила в себе всю жизнь, начал таять.

Она ещё не знала, что эта чешуйка — первая из многих. Что пруд в саду её отчима — не просто лужа с водой. Что сны, которые она видела с детства, — не просто сны. Да и что золотые глаза, смотревшие на неё из глубины, — не просто игра света, а нечто большее.

Глава 2

День, три, а потом и неделя медленно перевалила за вторую. Время в особняке текло, как застывший мёд, — тягуче, однообразно, безвкусно. Хизер пыталась занять себя учёбой — привезла с собой учебники по гражданскому праву, — но строчки расплывались перед глазами.

Она пробовала гулять по саду, но ивы и ручей больше не дарили успокоения. Она даже попыталась смотреть корейские дорамы вместе с матерью, но та вечно была занята: салоны красоты сменялись шопингом, шопинг — зваными ужинами, ужины — новыми салонами.

Отчим же — тихий, вежливый, предупредительный — время от времени пытался заговорить с ней, узнать, как дела в университете, не нужно ли чего. И каждый раз, когда он входил в комнату, Хизер чувствовала, как внутри что-то сжимается в тугий ледяной комок. Девушка отвечала односложно, улыбалась заученной улыбкой и при первой возможности ускользала. Не потому что он был плохим человеком. Просто она не могла иначе.

К исходу второй недели скука стала невыносимой. И Хизер, набравшись смелости, попросила у матери разрешения съездить на рынок.

— С госпожой Пак, — добавила она поспешно, видя, как мать хмурится. — Она приглядит за мной.

Госпожа Пак была экономкой — пожилой корейкой с лицом, изрезанным морщинами, как кора старой сосны, и острым взглядом, который, казалось, видел всё насквозь. Тетушка жила рядом в их многоквартирном доме ещё при первом муже госпожи и относилась к Хизер с молчаливой, сдержанной нежностью словно бабушка что у нее не было. Мать вздохнула, кивнула, и вот уже через час они ехали в стареньком седане по узким улочкам Кёнджу.

Рынок встретил их шумом, гамом и водоворотом запахов. Чесночные стрелки, кимчи, жареный рис, сладкие рисовые лепёшки тток, уголь, дымок от жаровен, рыба, пряности — всё смешалось в один густой, насыщенный воздух, который щекотал ноздри и кружил голову.

Торговцы кричали наперебой, расхваливая товар, покупатели торговались, дети носились под ногами, и над всей этой суетой плыл звон колокольчиков — где-то рядом был ряд с амулетами и домашней утварью.

Хизер шла, придерживая сумку, и вертела головой по сторонам. Госпожа Пак не отставала, время от времени указывая на что-то интересное: вот лавка с традиционными веерами, вот прилавок со сладостями, вот старуха продаёт целебные травы. Хизер кивала, но взгляд её скользил дальше, пока не зацепился за что-то в самом конце ряда.

Это была лавка старьёвщика — крошечная, зажата между двумя большими палатками, словно её и не должно было здесь быть. Над входом, привязанные к бамбуковой перекладине, висели ветряные колокольчики. Десятки колокольчиков — медные, латунные, бронзовые, деревянные, — и каждый пел свою ноту, когда ветер трогал их язычки. Но один из них молчал.

Он был странный: не похожий на остальные. Белый, с перламутровым отливом, словно вырезанный не из металла, а из кости или чешуи какого-то неведомого существа. По его краю вилась гравировка — крошечные драконы, кусающие друг друга за хвосты, — а внутри, там, где должен был висеть язычок, покачивался тёмно-красный камешек, гладкий, как обкатанная морем галька. Хизер замерла. Что-то в этом колокольчике тронуло её — не просто любопытство, а глухое, непонятное узнавание. Словно она видела его раньше. Словно он ждал её.

Рука потянулась сама. Пальцы коснулись прохладного бока — и колокольчик зазвенел. Тихо, едва слышно, но его звон не был похож на металлический перезвон соседей. Он был глубоким, протяжным, как эхо, долетевшее из другого мира.

— А, ты услышала его.

Хизер вздрогнула и обернулась. Перед ней стояла старуха — сгорбленная, в сером льняном ханбоке, с лицом, похожим на печёное яблоко. Её глаза — тёмные, глубоко посаженные — смотрели на Хизер с каким-то странным, всезнающим спокойствием. Она не улыбалась, но в уголках её губ пряталась тень улыбки — той, что бывает у людей, которые знают больше, чем говорят.

— Я просто... — Хизер смутилась. — Он красивый. Сколько стоит?

— Забирай так, — старуха махнула рукой. — Вещичка всё равно не для продажи. Он ждал кого-то. Видно, тебя.

— Но я не могу...

— Можешь, — перебила старуха. — Бери и не бойся звона, когда ветра нет.

Хизер хотела спросить, что это значит, но старуха уже отвернулась, потеряв к ней интерес, и принялась перебирать какие-то свёртки на прилавке. Госпожа Пак, стоявшая поодаль, ничего не заметила — она как раз торговалась за связку сушёной хурмы.

Хизер сжала колокольчик в ладони и почувствовала, как он холодит кожу. Неприятно. Но в то же время — правильно. Словно кусочек пазла, который она не знала, что искала, встал на место.

Дома она повесила его у пруда — на ветку старой ивы, что склонялась к самой воде. Здесь, в окружении бумажных фонариков, он смотрелся так, словно всегда тут и был. Хизер отступила на шаг, полюбовалась и уже собиралась вернуться в дом, как вдруг замерла.

Колокольчик зазвенел. Ветра не было, лишь безмолвный штиль.

Звук был тихим-тихим, почти на грани слышимости, но он проникал не в уши — в самую душу. И в этом перезвоне Хизер слышала слова. Не голос — шёпот, сотканный из ветра, воды и времени. Но каждое слово было ясным, как удар сердца.

«Он ждёт тебя, а ты — его. Алая нить... Связаны».

Хизер пошатнулась и схватилась за ствол ивы. Сердце колотилось где-то в горле. Она оглянулась по сторонам — никого. Только бумажные фонарики, только вода, только она.

И ветер, так и не издавший ни звука.

Глава 3

Сюй медленно шёл по коридорам дворца. Слуги склонялись перед ним с уважением и почтением — наследный принц давно перестал быть мальчиком, которого они помнили. Теперь это был высокий, статный юноша с прямой спиной и спокойным, чуть задумчивым взглядом. Черты его лица, унаследованные от отца, смягчались материнской теплотой, но самым удивительным было другое: его шесть лисьих хвостов с рыжими кончиками и даже волосы с годами стали отливать синевой — той самой, металлически-грозовой, как у его давно сгинувшего дяди.

Отец часто говорил ему, что он похож на своего покойного брата, а потом грустно вздыхал, отводя взгляд. И Сюй, будучи от природы любопытным, однажды начал расспрашивать всех, кого мог, о том, кого уже не было в живых.

Так он узнал историю — горькую, как полынь. У его дяди была невеста. После его смерти она впала в безумие и скинулась с утёса в бурное море, даже не превратившись в свой истинный драконий облик. Их связывала алая нить, и утрата этой связи разрушила и её душу. «Наверное, отец-император тоже погиб бы, — думал Сюй, — если бы его не запечатали в той фигурке. Возможно, встреча с тем монахом была не проклятием, а удачей».

Отринув тяжёлые мысли, наследный принц поспешил на очередной урок у пруда истинности — и в следующий миг принял на себя слишком бурные объятия Данги, что налетела на него со всей силой, радостно вереща:

— Братец, смотри!

Она протянула ему небольшой ветряной колокольчик, сверкая улыбкой и продолжая тараторить на одном дыхании:

— Почему-то, как только его увидела, сразу подумала о тебе!

— Спасибо за твой дар, шалунишка, — мягко ответил Сюй, сжав егозу в объятиях и любуясь её уже четырьмя хвостами и буйными волосами, что совсем не желали укладываться в причёску. Рыжие пряди торчали во все стороны, и сколько бы придворные дамы ни пытались их пригладить, через час всё возвращалось на круги своя.

Жаль, с сестрой пришлось проститься сразу же — придворные дамы, скрутив её, уволокли к матери на очередной урок манер. Ибо не гоже принцессе сбегать из дворца, чуть выпадет возможность. За эти годы были перекрыты почти все лазейки, но эта прохвостка каждый раз находила новый выход и исчезала ещё до рассвета. Посмеявшись над младшей, Сюй повесил колокольчик себе на пояс и поспешил к пруду истинности.

Там его встретила бабушка. Якира — золотая девятихвостая лиса, императрица и хранительница рода — стояла у кромки воды, и светящиеся цветы склонялись к её ногам, словно приветствуя госпожу. Она погладила внука по волосам, и её прикосновение было тёплым, как всегда.

— Мой милый Сюй, — спросила она с заботой, — не снились ли тебе странные сны?

Юноша задумался над вопросом. Перед его внутренним взором всплыло видение — смутное, но волнующее до дрожи.

— Мне снилась девушка, — произнёс он наконец неуверенно. — С белыми волосами и алыми глазами. Она провожала меня с тоской и грустью. Моё сердце сжималось от боли, а когда я обернулся, алая нить, связывающая нас, со звоном оборвалась. Такой сон я видел.

Услышав желанный ответ, могущественная лиса утёрла слёзы, прошептав счастливо:

— Я знала, что мне не показалось.

И добавила уже более уверенным тоном:

— Мальчик мой, мне кажется, что твоя душа и душа твоего дяди — это одно целое. Память, утраченная после смерти, стремится вернуться. Хочешь ли ты вспомнить, кто эта дева из сна, или же откажешься от прошлой жизни? Я приму любое твоё решение.

Юноша задумался. Перед глазами снова всплыл образ — белые волосы, алые глаза, полные слёз. И такая тоска сжала сердце, что дышать стало трудно. Он поклонился великой императрице и попросил вежливо:

— Бабушка, помоги мне вернуть утраченное.

— Хорошо, мой дорогой. Зайди в пруд истинности и поддайся его чарам. Тогда ты и прозреешь.

Сюй выпрямился, послушно снял верхнее одеяние, оставшись в нижнем белье. Зачем-то взял с собой и подаренный колокольчик — тот самый, что висел теперь на поясе. Ему казалось, что колокольчик говорит с ним, шепчет без звука: «Я укажу тебе путь».

Воды сомкнулись над головой уже не мальчика — молодого мужчины. Глаза закрылись, а перед взором появилось воспоминание.

Сюю тогда было шесть лет. Матушка взяла его в царство драконов не просто так — ему суждено было впервые увидеть свою невесту. Мальчик не знал, как она выглядит; ведомо ему было лишь имя: Хизария, дочь бога-дракона, могучего и ужасного. Царство их располагалось в потустороннем мире, высоко в горах, куда обычные смертные не могли добраться. Их небесная повозка, запряжённая крылатыми скакунами с гривами из облаков, донесла путников до самых врат, выкованных из чистого золота и украшенных россыпями звёздных камней.

У врат их встретили слуги — духи ветра и горных вершин, — и проводили в гостевые покои, устланные шёлком и лепестками белых пионов. Когда мальчик остался наедине с собой, он решил выйти в сад — прогуляться перед ужином, почитать учения мудрого ёкая. Книга приятно тяготила руку. Воздух был наполнен звоном ветровых колокольчиков и пением невидимых птиц. Цветы под ногами — серебристые хризантемы и лунные лилии — распускались при каждом шаге и словно переговаривались, звали углубиться в сад, пройти дальше, заглянуть за поворот.

Вскоре Сюй замер. Перед небольшим прудом с золотыми карпами, что лениво чертили круги в прозрачной воде, сидела заплаканная девочка. Её волосы, кристально-белые, струились по плечам, как лунный свет. Кожа напоминала тончайший фарфор. А глаза — алые, глубокие, как рубины, — были полны слёз. Одевания её оказались помяты и испачканы, а в причёске, которая когда-то, видно, была парадной, застряли листья и тонкие веточки. Весь этот трогательный, даже ранимый облик вызвал в душе мальчика смятение, но также и острый интерес.

Поэтому он произнёс несмело:

— Здравствуй, прекрасная дева. Что так расстроило тебя в сей светлый день?

Девочка от незнакомого голоса вздрогнула и наконец обратила внимание на незваного гостя. Утёрла нос рукавом, буркнув обиженно и недовольно:

— Мой отец... он сказал, что отдаст меня замуж за какого-то незнакомца. Ведь знает, как я боюсь чужих, — и всё равно. Мы должны встретиться сегодня. А вдруг он страшный и злой? Мне так страшно...

Новый всхлип разнёсся по саду. Сюй, уже смелее, подошёл к своей невесте, достал платочек и принялся бережно вытирать красивое маленькое личико, сдерживая улыбку. Он сказал наигранно жалобно:

— Бедная леди. Надеюсь, ваш жених будет добр и красив. Примите мои пожелания?

— Только если он будет так же красив, как ты, братик! — обрадовалась внезапно малышка, и её настроение сменилось радикально.

Она схватила Сюя за руку и потащила за собой, сообщая ему о коварном плане:

— Придумала! Давай я скажу папёнке, что ты будешь моим мужем. Ты красивый и добрый, и я сама тебя выбрала. Ты согласен?

Белые жемчужные чешуйки сияли на висках девочки, и даже с помятой причёской и в грязной одежде она была прекрасна. Наверное, Сюй и сам не заметил, как ощутил лёгкую влюблённость — тёплую, как первый солнечный луч после долгой зимы. Он ответил Хизарии, не колеблясь:

— Я буду следовать твоей воле, моя леди.

Девочка засияла ещё ярче. Она ворвалась сквозь стражу в тронный зал, вещая самодовольным, наигранным тоном:

— Папуля, я решила! Этот мальчик согласился быть моим мужем. Ты же разрешишь? И не нужен мне никакой незнакомый лис!

Великий дракон при виде моей сдержанной улыбки сделал лицо лишь серьёзнее. Он спросил свою дорогую, слегка избалованную дочь:

— Ты готова отвечать за свои слова, Хизария?

Девочка от строгости батюшкиного голоса немного помяла юбку, но руки от Сюя не отняла, сжав его пальцы лишь сильнее. Тогда правитель расхохотался, посмотрев на сидящую неподалёку императрицу Якиру, и произнёс со смехом:

— Ну вот, а ты беспокоилась. Моя доченька сама себе выбрала твоего сына в супруги.

Девочка сначала не поняла веселья отца, а потом медленно повернулась к мальчику. Который поклонился ей величественно и огласил:

— Я счастлив быть вашим женихом, а в будущем — супругом. Имя мне Сюй, старший сын дома Ядзима. Прошу, простите мне моё позднее приветствие, принцесса драконов.

Услышав это, девочка сначала побагровела от стыда, но потом надулась от злости. Однако руку свою не убрала, буркнув недовольно:

— Я уже взяла за тебя ответственность. Так тому и быть. Но ты, глупый лис, заплатишься за свой обман.

В этот самый миг звон колокольчика разбудил Хизер.

Она тяжело открыла глаза. Из сна — такого тёплого, такого смешного и вместе с тем щемяще-родного — выбираться не хотелось. Что-то тянуло её обратно почти с физической силой. Но родная мать, не жалея, брызгала ей в лицо прохладной водой, говоря недовольно:

— У нас сегодня званый ужин, будут важные гости. Пора привести тебя в божеский вид. Тебе давно замуж пора.

От такого предложения девушка вздрогнула, но матери подчинилась, зная: с ней спорить бесполезно.

В этот же миг за гранью реальности открыл глаза Сюй. Он увидел этот же сон — благодаря пруду истинности пережил его до мельчайших деталей и ощущений. Запах пионов, звон колокольчиков, тепло маленькой ладошки в его руке — всё вернулось разом. Он вышел из воды, тяжело дыша, и сказал бабушке рассеянно:

— Бабуль, ты была права. Я вспомнил свою прошлую жизнь. Маленькую часть. Еще ее, мою невесту.

Старая императрица улыбнулась счастливо, обняв вышедшего из воды внука — своего сына из прошлой жизни, — и прошептала нежно:

— Я безмерно рада, что твоя душа выжила и ты вернулся к нам.

Сюй обнял бабушку в ответ и вдруг ощутил на своём мизинце путы алой нити. Она тянулась вдаль, пронзая стены дворца, облака, миры, — и он видел её очертания так же ясно, как видел их когда-то в прошлой жизни. Великая кумихо погладила своего мальчика по голове и сказала с заботой:

— Судьба обязывает тебя идти, так что поторопись. Возможно, пробудился не только ты, но и она — твоя суженая, предначертанная самой судьбой.

Кивнув, Сюй последовал за нитью, желая встретить вновь Хизарию — свою истинную любовь.

Глава 4

Хизер было невыносимо участвовать во всём этом пафосе, творившемся в большой гостиной дома. Званный ужин, который мать готовила с таким усердием, обернулся для неё пыткой. Незнакомые люди — слишком развязные, слишком громкие, слишком странные. Мужчины бросали на неё порой липкие, оценивающие взгляды, от которых хотелось забиться в самый тёмный угол. Женщины, разодетые в вычурные наряды, выглядели несуразно — словно экзотические птицы, по ошибке залетевшие в чужую стаю.

В воздухе витал густой аромат цветочных композиций, расставленных по углам, но он смешивался с вонью пота и еды, выставленной в фуршетной зоне, и от этого коктейля у Хизер неприятно пульсировало в висках. Голова кружилась. Свет люстр, преломляясь в хрустальных подвесках, резал глаза даже сквозь линзы.

Рука невольно сжимала колокольчик. Хизер не знала, зачем взяла с собой этот странный подарок. С тех пор как она повесила его у пруда, он молчал — ни звона, ни шёпота. Но не смотря на это, он грел её ладонь, согревая душу. Вот и сейчас она оглаживала орнамент — крошечных драконов, кусающих друг друга за хвосты, — и невольно вспоминала мальчика из сна. Что-то в его чертах напоминало мужчину из её детских сновидений, и от этого сердце болезненно сжималось. Шесть хвостов. Синие волосы. Золотые глаза.

После очередного тоста матери — кажется, за «новые горизонты сотрудничества», — Хизер хотела уже сбежать. Тихо, по-английски, не прощаясь. Но та окликнула её, подзывая к себе, и подвела к размалёванной женщине в кричащем алом платье и её сыну — слегка неприятному парню с масляным взглядом и улыбкой, от которой сводило скулы. Хизер сразу увидела в нём вкус матери: он напоминал того, кто приставал к ней в детстве. Она невольно отпрянула, поклонилась — сухо, сдержанно, — не желая слушать имени этого человека.

Колокольчик, словно чувствуя её эмоции, запульсировал — размеренно, тяжело, как сердце, качающее кровь. Но даже это испугало Хизер меньше, чем то, что незнакомец шёл за ней. Она ускорила шаг, почти бежала, а он не отставал, не отрывая липкого и противного взгляда.

Она сама не заметила, как оказалась на мансарде — одна, в компании полной луны, цветущей магнолии, чьи лепестки серебрились в ночном свете, и неприятного типа, что сразу раскрыл пасть после слащавого, лживого оскала.

— Не знаю, чем напугал вас. Заранее прошу простить. Меня зовут Чхве Су Хёк, наши матери дружат. Тётушка очень бы хотела, чтобы мы сходили на свидание.

Мужчина приближался. Его шаги гулко отдавались от деревянного пола. Хизер пятилась, пока не упёрлась спиной в перекладины. Сердце билось почти в горле, мешая дышать. Ей хотелось перемахнуть через перила и броситься бежать по саду, к любимому пруду, где вода и фонарики. Но плану побега мешал второй этаж и её не слишком крепкие кости. Сейчас она выглядела как загнанная в ловушку мышь. Белые от природы волосы липли к обнажённой спине из-за слишком открытого платья, выбранного матерью как нарочно. Горчичный шёлк совсем ей не шёл, хоть и идеально струился по фигуре. Сейчас под облизывающим взглядом ей хотелось оказаться в строгом деловом костюме — с закрытым горлом, с галстуком, в броне из ткани и юридической уверенности.

Рука наречённого словами матери почти коснулась её обнажённого плеча, когда с его губ сорвались слова:

— Твоя мать говорила, что ты тихая, как мышка. Но это платье говорит об обратном. Может, проведём ночь не здесь, а в отеле?

От прикосновения по коже побежали мурашки — мерзкие, липкие. Желудок предательски свело, а тело оцепенело от ужасных воспоминаний. Дышать становилось всё труднее. Кажется, ещё мгновение — и Хизер попросту упадёт без сил.

И тогда рука, сжимавшая колокольчик, ощутила, как ломается хрупкое стекло. Слишком уж легко. Острые краешки вонзились в кожу, и по пальцам потекла кровь — тёплая, густая, алая. В этот самый миг Хизер увидела нить. Тонкую, светящуюся, протянувшуюся от её мизинца куда-то вдаль, сквозь стены и ночь. А когда проследила её направление, встретила взглядом с тем самым мужчиной из снов.

Он стоял в дальнем конце мансарды, у выхода на лестницу, и лунный свет серебрил его длинные синие волосы, струящиеся по спине рекой. Одет он был по-современному — тёмные брюки, светлая рубашка с закатанными рукавами, — но даже в этом наряде выглядел так, словно сошёл со старинного свитка. Что-то древнее, хищное, нездешнее сквозило в каждом его движении. Он радикально выделялся на фоне остальных присутствующих.

Такой знакомый незнакомец быстро сократил расстояние. Встал между ней и Су Хёком, загородив её собой, как стена. И сказал грубияну тихо, но так, что слово хлестнуло, как удар: — Свали.

В голосе слышалось лёгкое рычание. Зрачки незнакомца сузились, став вертикальными — звериными, — и навязанный жених, побледнев, тут же отчалил, бормоча что-то себе под нос. Хизер наконец выдохнула — и тут же снова подавилась дыханием, потому что красавчик бесцеремонно схватил её раненую руку и принялся перематывать платком, ворча:

— Как можно ранить себя? Я так долго тебя искал...

Хизер откровенно любовалась им — прекрасным, невозможным, явившимся из снов. Следом, подумав, что либо спит, либо грезит наяву, сказала уверенно — сама не зная, откуда взялась эта самоуверенность:

— Мне кажется, ты — мой гость из сна.

Сюй от услышанного улыбнулся загадочно. В грядущий миг подул на её руку — легко, как ветер касается воды, — и на глазах Хизер ранки от стекла затянулись. Кожа стала гладкой, чистой, будто ничего и не было. На мизинце же проступило кольцо из алой нити — тонкое, светящееся, живое. То самое, что она видела всего мгновение назад, но которое теперь стало частью её.

Близость мужчины заставила девушку густо покраснеть. Он был слишком близко — она чувствовала тепло его дыхания, запах хвои и замёрзшей рябины. Когда же таинственный незнакомец положил её исцелённую руку себе на грудь, туда, где гулко билось сердце, и спросил загадочно:

— Желаеть ли ты узнать правду о нас? О своих снах?

Хизер задумалась над предложением. Под её пальцами — его сердце. Оно билось суматошно, неровно, выдавая волнение, которое он так хорошо прятал за спокойным лицом. Она посмотрела в его золотые глаза — те самые, что снились ей с детства, — и тихо ответила:

— Я пойду за тобой.

Она сама не знала, откуда взялись эти слова. Любопытство, которое всегда было сильнее страха, не дало бы ей отступить. Да и луна внезапно вскружила голову: ночной небосвод с миллионом звёзд закружил её в свой хоровод, и мир на мгновение стал зыбким, как отражение в воде.

Сюй подхватил наречённую на руки — нежно, бережно, словно она была сделана из лунного света, — и прижал к себе, улыбнувшись от переполняющего счастья. Он открыл портал: воздух перед ним задрожал, пошёл рябью, и проступили очертания другого мира — того, где пахло хвоей и рябиной. Где светящиеся цветы склонялись у кромки пруда истинности. Где их уже ждали.

И когда они шагнули через грань, на висках Хизер проступили первые чешуйки — белые, перламутровые, светящиеся в лунном свете. Душа Хизарии помнила, кем она была. И стремилась вернуть истинную суть.

Глава 5

Воды пруда истинности ласково затянули Хизер в свою пучину. Она не сопротивлялась — тело стало невесомым, границы размылись, и мир вокруг исчез, сменившись чередой образов, звуков, запахов. Перед её внутренним взором раскрылась она сама — но не та, кем она была сейчас. Та, кем она была когда-то.

Хизария. Единственная дочь великого дракона Юнхвана, Западного Владыки, чьё имя шептали с трепетом во всех четырёх царствах. Он был одним из четырёх Драконьих Королей, что правили морями и небесами с начала времён, — и самым своенравным из них. Его истинный облик — бирюзовый дракон с чешуёй, сверкавшей, как тысяча озёр под солнцем, и глазами цвета расплавленного золота — внушал ужас врагам и благоговение подданным. Но для Хизарии он был просто папой — тем, кто носил её на спине над облаками, рассказывал сказки перед сном и никогда, ни разу не повысил на неё голос. Он обожал младшую дочь с той безрассудной, всепоглощающей нежностью, на какую способны лишь те, кто поздно обрёл дочь после сыновей, и баловал её без меры.

Матушка, Мира, была иной. Небесная драконица с перламутровой чешуёй и глазами, глубокими, как сама вечность, она слыла мудрейшей во всём царстве. Именно она наставляла Хизарию: как вести себя при дворе, как держать спину, как говорить тихо, но веско, как прятать эмоции за вежливой улыбкой. «Ты — принцесса, — повторяла она, поправляя дочери причёску. — Твоя сила не в когтях и не в пламени. Твоя сила — в достоинстве. Запомни это».

Братья — старшие, шумные, вечно дразнившие её за маленький рост и белые, как первый снег, волосы, — чужим в обиду не давали. Хизария искренне их любила. И сейчас, глядя на их лица — такие живые, такие родные, — она ощутила невыносимую тоску. Сердце сжалось, потому что где-то глубоко внутри она осознала: всего этого больше нет. Ни дворца, ни братьев, ни матушки. Только память о них как невыносимо долгий сон.

А потом одно воспоминание высветилось ярче других.

Она была гостьей во дворце дома Ядзима. Шла по длинному коридору, и её шаги отдавались тихим эхом от расписных стен. На ней было серебряное кимоно, расшитое журавлями и хризантемами, а на голове покачивалась итигэмаса — широкополая шляпа с длинными, почти прозрачными вуалями, что спадали до пояса, скрывая повзрослевшую деву от посторонних глаз.

Это была их пятидесятая встреча с Сюем — она вела счёт, хотя никогда не призналась бы в этом вслух. За эти годы её жених изменился. Мальчик, когда-то смотревший на неё с открытым, незамутнённым восхищением, превратился в спокойного, уравновешенного мужчину. От него чаще веяло холодом, чем страстью: Сюй стал сдержан, немногословен, и лишь те, кто знал его по-настоящему близко, могли разглядеть за этой бронёй прежнего мальчишку. Хизария знала. С ней он был другим — добрым, нежным, внимательным. Смотрел на неё завороченно, когда думал, что она не видит, а она видела и от этого любила его сильнее день ото дня. Любила так, как умеют любить только драконы — всем сердцем, без остатка.

Невольно она ускорила шаг.

Открытый павильон цветов встретил её буйством красок и ароматов. Пионы, хризантемы, камелии, лунные лилии — всё цвело одновременно, не подчиняясь законам времени, потому что в мире духов растения слушались не сезонов, а настроения тех, кто за ними ухаживал. В центре павильона, под сенью цветущей сакуры, на низкой скамье сидел Сюй. Вернее — «сидел полулежа». Его голова склонилась набок, глаза были закрыты, а на коленях лежала раскрытая книга — старый свиток с учениями какого-то древнего ёкая. Он заснул. Шесть хвостов — синевато-серебряных, чистого грозового оттенка, без единой рыжей искры — расслабленно

лежали на полу, и один из них, самый пушистый, слегка подрагивал во сне, как у довольного кота.

Хизария замерла. Улыбка тронула её губы — нежная, чуть озорная. Она приблизилась бесшумно, ступая по лепесткам, устилавшим пол, и опустилась рядом. Её пальцы потянулись к его волосам — синим, как грозовое небо, — и коснулись их с трепетом, с каким касаются святынь. Она намотала длинный локон на палец — раз, другой, — любясь тем, как он переливается в свете бумажных фонариков. «Глупый лис, — подумала она с нежностью, от которой щемило сердце.

— Даже во сне не выпускаешь книгу из рук. Хоть бы раз отдохнул по-настоящему. Хоть раз позволил себе просто быть юношей, а не служить народу каждым вздохом».

Внезапно где-то рядом раздался грохот.

Резкий, неожиданный — это дворцовый кот, рыжий и вечно голодный, опрокинул горшок с камелией. Хизария вздрогнула, поскользнулась на лепестках — и с тихим полу писком упала прямо на жениха. Её губы встретились с его устами. Случайно или намеренно? Тайна самой судьбы.

Мир замер. Сердце Хизарии пропустило удар, потом ещё один, и кровь прилила к щекам с такой силой, что, казалось, ещё мгновение — и она вспыхнет драконьим пламенем. Она застыла, не в силах отстраниться, чувствуя тепло его дыхания на своей коже. Тут же Сюй — о, этот невозможный, коварный лис! — ответил на поцелуй. Его губы были тёплыми и совсем не сонными. Одна рука легла на её талию — уверенно, но бережно, — вторая скользнула по щеке, стирая с неё румянец смущения.

Он поцеловал её — медленно, глубоко, так, словно ждал этого момента все пятьдесят встреч. Так, словно мир за пределами павильона перестал существовать.

Когда они наконец отстранились — нехотя, всё ещё не размыкая объятий, — Хизария, пунцовая и взъерошенная, возмущённо выдохнула:

— Ты не спал!

— Конечно, нет, — Сюй улыбнулся той самой улыбкой, от которой у неё всегда подгибались колени. — Я почувствовал твой запах за три коридора. Белые пионы и драконья амбра. Тебя ни с кем не спутать, душа моя.

— Ты... ты... — она задыхалась от негодования и смущения. — Ты притворялся!

— Я ждал, когда ты наконец подойдёшь ближе, мышонок, — он поправил выбившуюся прядь её волос, и его пальцы задержались на её виске, там, где проступали крошечные жемчужные чешуйки. — Ты всегда останавливаешься в шаге от меня. Словно боишься. А я не хочу, чтобы моя жена боялась своих чувств, и моих заодно.

Хизария опустила глаза, но он мягко приподнял её лицо за подбородок и заглянул в глаза — красные, глубокие, в которых сейчас стояли слёзы.

— Я не боюсь тебя, — прошептала она. — Я боюсь самой себя. Того, что чувствую. Это слишком... слишком сильные чувства. Иногда мне кажется, что если я позволю себе любить тебя в полную силу, то просто... сгорю, или тебя спалю ненароком.

— Тогда мы сгорим вдвоем, — сказал он тихо. — Я буду рядом и дам тебе сгореть одной.

Она не выдержала и уткнулась лицом в его плечо, вдыхая родной запах — хвою, снег, рябину. Он обнял её, прижал к себе, и его хвосты — все шесть — обвились вокруг неё, как тёплое одеяло. Они сидели так долго, и тишина между ними была наполнена не словами, а чем-то большим. Тем, что не требовало перевода.

— Скоро свадьба, — сказал он наконец, и его голос был мягким, как шёпот ветра. — Я считаю дни. Знаешь, я думал о том, где мы будем жить.

— Правда? — она подняла голову. — И что ты придумал?

— В резиденции, но не во дворце, — он улыбнулся, заметив, как загорелись её глаза. — Я знаю, ты не любишь придворную суету и поэтому присмотрел место — высоко в горах, на

границе наших земель. Там, где снег лежит даже летом, а по ночам небо такое ясное, что звёзды кажутся ближе, чем собственная ладонь. Можно построить дом. Не большой, не парадный — просто наш. С видом на горные пики и вершины.

— Дом на высоте птичьего полета, — прошептала она, и в её голосе звучал почти детский восторг. — С видом на звёзды...

— И чтобы обязательно был пруд, — продолжил он. — Маленький, но глубокий. Ты сможешь плавать в нём, когда захочешь — в любом обличье. Я уже договорился с духами гор, они обещали расчистить площадку.

— И сад, — подхватила она. — С белыми пионами и лунными лилиями. Чтобы они цвели круглый год, как здесь.

— И никаких котов, опрокидывающих горшки, — добавил он с притворной серьёзностью.

Она рассмеялась — звонко, искренне, — и он тоже засмеялся. Их смех смешался, отразился от стен павильона и улетел в ночное небо, к звёздам. А когда смех стих, они остались сидеть в обнимку, и его хвосты всё ещё обнимали её, а её пальцы всё ещё играли с прядью его волос.

— Я хочу, чтобы у нас было всё, — сказала она тихо. — Не просто свадьба и резиденция. Я хочу просыпаться рядом с тобой каждое утро, желаю видеть, как ты читаешь свои бесконечные свитки и засыпаешь над ними. Грежу о том, чтобы наши дети бегали по этому саду — лисы либо драконы, все вместе. Мечтаю состариться с тобой, хотя мы оба знаем, что не стареем. Хочу вечность с тобой.

— Она у тебя уже есть, — ответил он. — Моя вечность это ты.

Он наклонился и поцеловал её снова — на этот раз без случайностей, без притворного сна, без недомолвок. Просто потому что хотел, потому что мог. Ведь она была его, а он — её, и так было и будет всегда, с самого начала, с их первой встречи у пруда с золотыми карпами.

Потом он стал серьёзным — не резко, но она почувствовала перемену по тому, как напряглись его плечи.

— Мне нужно уехать, — сказал он.

— Когда? — её голос дрогнул, хотя она старалась говорить ровно.

— Завтра. На рассвете.

— Это из-за Ханга? Он позвал тебя?

— Нет, — Сюй покачал головой. — Я сам почувствовал. Что-то пробуждается в горах Хаккода — древнее, тёмное. Я ощутил это три ночи назад, когда медитировал у пруда. Сначала слабо, как рябь на воде. Потом — сильнее. Это не просто скверна. Это что-то другое. Что-то, чему я пока не знаю имени. Я должен идти. Должен понять, с чем мы имеем дело, прежде чем звать остальных.

— Возьми меня с собой, — сказала она. — Я дракон и умею сражаться.

— Знаю, — он коснулся её щеки. — Именно поэтому ты останешься здесь. Если со мной что-то случится, ты должна быть в безопасности. Ты — моё сердце, Хизария. Если я потеряю тебя, от меня ничего не останется. Ты же меня не потеряешь. — он замолчал. — Просто будь здесь. Жди и я вернусь в наш уже построенный дом.

Она сжала его ладонь и поднесла к губам.

— Возвращайся быстрее. Я буду ждать. Каждый рассвет, полдень или закат, буду считать их в ожидании новой встречи.

— Я всегда возвращался к тебе, так будет и впредь, — ответил он.

Она проводила его до врат дворца. Смотрела, как синие хвосты исчезают в утреннем тумане, и сердце сжималось от нехорошего предчувствия. Но она запретила себе думать о плохом. Он обещал вернуться, а Сюй всегда держал слово. Всегда.

Домой она летела в истинном облике. Это был её ритуал — каждый раз, покидая дворец Ядзима, она поднималась высоко в небо, туда, где воздух становился разреженным и холодным, и позволяла себе быть собой.

Преобразование начиналось с кончиков пальцев — по коже пробегала серебристая рябь, и чешуя, белая, с перламутровым отливом, проступала, как роса на рассвете. Кости меняли форму — не больно, но ощутимо, словно тело вспоминало, кем оно было на самом деле. Хвост, длинный и гибкий, выросал последним, увенчанный гребнем из тончайших мембран, что трепетали на ветру.

И вот она уже не девушка — дракон. Белый, жемчужный, с глазами цвета рубинов. Длинное змеиное тело извивалось в воздухе, чешуя переливалась перламутром, а вокруг морды сияла грива из тонких, почти прозрачных нитей — признак королевской крови. Она не нуждалась в крыльях: сама магия несла её, повинуюсь древним законам, что были старше гор и звёзд. Ветер сам расступался перед ней, облака обтекали её тело, как вода обтекает золотого карпа Коя.

Полёт был восторгом. Она взмывала вверх по спирали, пронзая облачные слои, и каждый виток отзывался в груди чистым, незамутнённым счастьем. Снежные пики проплывали внизу, крошечные, как осколки сахара. Реки серебряными нитями прошивали зелёные долины. Где-то вдалеке, над Восточным хребтом, поднималось солнце — огромное, золотое, — и его лучи окрашивали её чешую в розовый. Хизария сделала круг над знакомыми вершинами, задела кончиком хвоста снежную шапку пика, и та осыпалась искрящейся, серебристой пылью. Снизу кто-то — может быть, пастух, может быть, лесной дух — посмотрел вверх и замер, увидев белого дракона, парящего на фоне рассветного неба.

Она приземлилась у врат отцовского дворца, когда утро уже полностью вступило в свои права. Чешуя втянулась, тело сжалось, и вот она снова — девушка в серебряном кимоно, только волосы чуть растрёпаны ветром, а на щеках играет румянец.

— Принцесса, — стражник поклонился. — Ваш отец ждёт вас в тронном зале. И... — он замялся, — у нас гости.

«Гости?» — она нахмурилась, но спрашивать не стала.

И почти у самых дверей своих покоев столкнулась с незнакомцем.

Он стоял у окна, выходящего на горы, и его силуэт чётко вырисовывался на фоне темнеющего неба. Молодой мужчина — привлекательный, даже слишком. Черты лица тонкие, почти девичьи, но в них чувствовалась скрытая сила. Волосы — чёрные, как вороново крыло, — спадали на плечи, а за спиной угадывались сложенные угольные крылья. Глаза — тёмно-карие, с серебряными искрами — скользнули по ней с выражением, которое она слишком хорошо знала: восхищение, смешанное с расчётом.

— Принцесса Хизария, — он поклонился, и его голос был мягким, как шёлк. — Прошу простить мою дерзость. Я не мог не представиться. Моё имя Киянг.

Тенгу. Она сразу поняла это по запаху — горный ветер, озоновый привкус грозы и что-то ещё, сладковатое, как перезрелые яблоки.

— Киянг, — повторила она. — Вы из клана Тенгу?

— Младший сын советника, — он улыбнулся, и его улыбка была обаятельной — той, что обезоруживает. — Я здесь с дипломатической миссией. Но, увидев вас, боюсь, мои мысли стали куда менее дипломатичными.

— Вы слишком смелы, — заметила Хизария холодно.

— Я всего лишь честен.

Она окинула его оценивающим взглядом. В этом юноше было что-то притягательное — как в красивом цветке, от которого веет ядом. И она не собиралась подпускать его ближе, чем на расстояние вытянутой руки.

— Что ж, добро пожаловать в наш дом, — сказала она ровно. — Если позволите, я устала с дороги.

— Конечно, принцесса, — он поклонился снова, чуть ниже, чем требовал этикет. — Надеюсь, мы ещё увидимся.

Она вошла в свои покои и закрыла дверь. Но ещё долго стояла, прислонившись к ней спиной, и думала о том, что отец в последнее время стал отстранённым — она заметила это ещё в прошлый визит. И что этот обаятельный Тенгу с серебряными искрами в глазах явно был замешан в этом больше, чем показывал.

Что-то надвигалось. Что-то, чего она пока не могла разглядеть.

За дверью спальни Киянг всё ещё стоял у окна. Его улыбка погасла, сменившись задумчивым выражением. Он думал о том, что эта беловолосая принцесса — крепкий орешек. Но он никогда не отступал от того, что хотел заполучить. А хотел он многое. И Хизарию — в том числе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.